

Изъ дневника Рфицера

ЗА ПОХОДЪ 1877—78 ГОДОВЪ.

1-го Октября 1877 года.

Августъ и Сентябрь миновали. Наступилъ Октябрь. Послѣ безобразно тяжелаго переѣзда, во все время котораго шелъ дождь, мы вступили наконецъ въ деревню Зиминцу. По страшной грязи прошли мы эту деревушку; перешли по мосту черезъ одинъ изъ рукавовъ Дуная и затѣмъ расположились бивуакомъ на одномъ изъ низкихъ острововъ послѣдняго. Дунай, воспѣтый въ легендахъ и пѣсняхъ столькихъ народовъ, а для насъ, русскихъ, ставшій еще пите-реснѣе послѣ молодецкой переправы 15-го іюня, въ которомъ принимали участіе и наши товарищи по полку, былъ наконецъ передъ нами. Я сгоралъ отъ нетерпѣнія добратъя поскорѣе до этихъ береговъ и снова посмотрѣть на его мутныя воды. Кромѣ общаго у насъ, у всѣхъ, желанія самимъ помѣрится поскорѣе съ врагомъ—а отъ Дуная онъ былъ недалеко,—здѣсь прекращалась моя тяжелая обязанность полковаго квартирьера, которую я исполнялъ почти въ теченіи всего похода по Румыніи. Надоѣла она мнѣ, какъ говорится, до одури, да и измучила порядочно.

Обыкновенно, наканунѣ выхода полка изъ какого-либо села или города, я и одинъ офицеръ—полковой жалонеръ, поручикъ П., за нѣсколько часовъ до вечера, отправлялись всереди, съ жалонерами, квартирьерами, артезианскими и рогатыми повозками. Обязанность наша заключалась въ томъ, чтобы выбрать для полка бивуакъ, опредѣлить жалонерами мѣста для баталіоновъ, помѣстить кухни и начать варку, которая должна была быть готова къ приходу полка, осмотрѣть продукты, отвести квартиры для

штабовъ, такъ какъ съ нашимъ полкомъ шли дивизионный и бригадный штабы, для заболѣвшихъ офицеровъ и т. п. Покуда время было хорошее и теплое, мы не особенно унывали, проходили большую половину дороги, останавливались въ полѣ, какъ цыгане, выпрягали лошадей, разводили костры, варили себѣ чай и затѣмъ спали до разсвѣта, такъ часа четыре или пять и потомъ утромъ, если не проспимъ, пили чай и продолжали свой путь. По приѣздѣ отыскивали магистратовъ города или мэровъ села и требовали, чтобы они указали мѣсто для бивуака полка и дали полицейскаго для указанія квартиръ для офицеровъ. Очень рѣдко, кто изъ мушницъ-румынъ говорилъ на иностранныхъ языкахъ, румынскаго же мы сами не знали, поэтому объясняться съ ними обыкновенно было затруднительно, и у насъ выработалась въ этихъ крайнихъ случаяхъ снаровка объясняться съ ними, если возможно, при посредствѣ ихъ женъ, сестеръ и т. п., такъ какъ большинство румынокъ говорятъ на разныхъ языкахъ. Но иногда приходилось терять много времени, покуда удастся съ ними объясниться. Получивъ проводниковъ, мы раздѣлялись, — товарищъ шелъ устраивать бивуакъ, а я хлопоталъ о квартирахъ. Обыкновенно, чтобы отвести шесть квартиръ, нужно было осмотрѣть по крайней мѣрѣ тридцать, такъ какъ помѣщенія сначала всегда указывали самыя худыя и только послѣ самыхъ настоятельныхъ требованій рѣшались указать что нибудь сносное.

Кромѣ того, въ порядочныхъ домахъ терялось много времени на ожиданія, такъ какъ, по случаю ранняго часа, барыня обыкновенно была не одѣта и просила подождать, а безъ нея комнату не показывали. Это скучное ожиданіе продолжалось рѣдко менѣе получаса; наконецъ барыня выходила, обстоятельно разспрашивала, кого именно я предполагаю помѣстить у нея, просила, чтобы непременно генерала или, по крайней мѣрѣ, полковника, и только послѣ усиленныхъ просьбъ и обѣщаній съ мороны показывала наконецъ комнату. Все это было страшно скучно и мнительно, и я обыкновенно съ нетерпѣніемъ ждалъ той минуты, когда кончалъ свое дѣло и могъ отправиться верхомъ на встрѣчу полка. Приходили полкъ, провожали его на бивуакъ, за тѣмъ нужно было проводить командира полка на его квартиру, а другимъ офицерамъ, которымъ были отведены квартиры, сообщалъ ихъ адреса.

Обыкновенно я успѣвалъ съ этимъ справиться къ тому времени, когда солдаты уже обѣдали, и такъ какъ обыкновенно ихъ бивуакъ располагался нѣсколько въ сторонѣ отъ города, то мы едва успѣвали возвратиться въ лагерь и наскоро пообѣдать, какъ наступало время снова отправляться въ дѣло; этого очень часто случалось, что мы были принуждены уходить дальше голодными и ждать нашего почтаго призыва; тамъ же, для того чтобы приготовить себѣ обѣдъ, приходилось отнимать время у сна. И такъ тотчасъ послѣ солдатскаго обѣда, котлы, въ которыхъ варила пища вымывались, укладывались въ повозки, и мы затѣмъ отправлялись въ путь

Но съ приближеніемъ къ Дунаю погода стала сильно портиться. Бивуаки ночью, на шоссе, потеряли свою прелесть и оригинальность, благодаря дождямъ и холоду, которые положительно не давали заснуть, и кромѣ того, дыханіе, вслѣдствіе присутствія обоза, стало значительно тише. За четыре перехода до Зимницы мы оставили шоссе и пошли по проселочнымъ дорогамъ. Здѣсь уже мѣра нашихъ страданій переполнилась. Неповоротливыя, тяжелыя, неуклюжія повозки часто доводили насъ чуть ли не до слезъ. Холодъ, дожди, проливные или постоянные, страшно рыхлый грунтъ, небольшія горы, куча ручейковъ, усталыя, не втянувшіяся лошади, невозможность достать проводниковъ, вслѣдствіе чего приходилось выбирать на авось дорогу, чтобы пробраться къ назначенному мѣсту,—все это, кажется, соединилось для того, чтобы заставить насъ выпить полную чашу горя. Телѣги вязли такъ, что лошади ни какимъ образомъ не могли ихъ вытащить; едва солдаты вытаскиваютъ одну, смотришь—приходится вытаскивать другую телѣгу, измучившись до нельзя, а нечего дѣлать,—нужно идти впередъ. Тутъ и просьбами, и строгими мѣрами, и чѣмъ только не заставляли мы солдатиковъ помогать надорвавшимся усталымъ лошадямъ. И людямъ идти было не легче: грязь, смѣшавшись съ высохшею травою, прилипала къ ногамъ и заставляла тащить на каждой ногѣ чуть ли не по полупуду. Страхнешь ее,—она снова пристанетъ чрезъ нѣсколько шаговъ. Полкъ тоже не могъ двигаться такъ скоро, какъ прежде, но все-таки едва не догонялъ насъ, не смотря на то, что мы выходили на много часовъ раньше его. Въ послѣднемъ переходѣ полкъ догналъ эту, порученную намъ, часть обоза въ Зимницѣ, когда послѣдній застрялъ въ страшной, невылазной грязи этой послѣдней румынской деревушки. Принуждены были нарядить рабочихъ изъ ротъ, и только при помощи длинныхъ веревокъ, привязываемыхъ къ вагамъ, за которыя съ каждой стороны тянули десятки солдатъ, возможно было провести обозъ по этому морю грязи, мѣстами глубиною по поясъ. Хорошо еще, что, подходя къ Зимницѣ, я догадался оставить обозъ, а самъ разыскалъ въ Зимницѣ коменданта, который и посоветовалъ мнѣ объѣхать нѣсколько этотъ городишко; не сдѣлай я этого, а поѣзжай я съ обозомъ по прямой дорогѣ, мы навѣрно пинали бы такъ, что не знали бы какъ и выпутаться изъ этой бѣды.

Самыя худыя воспоминанія у меня связываются съ путешествіемъ вмѣстѣ съ обозомъ, не смотря на то, что подъ нашимъ начальствомъ была только часть полковаго обоза. Больше же число повозокъ шло подъ начальствомъ нашего завѣдывающаго хозяйствомъ сзади полка. Это движеніе было такъ трудно, что мнѣ и жалонеру эта обязанность путешествовать съ телѣгами казалась такою тяжелою, что ею совершенно свободно можно было замѣнить самое строгое наказаніе. Въ хорошую погоду обозъ еще шелъ, и тутъ замученныя и надорванныя лошади иногда останавливались и имъ приходилось помогать людямъ. Поэтому легко можно себѣ пред-

ставить, каково было это движеніе во время дождей и грязи. Особенно неудобны для походов эти рогатые телеги. Ихъ громадный вѣсъ, неповоротливость, большой грузъ, который они поднимали, положительно дѣлали ихъ неспособными для большихъ передвиженій, зарѣзывая прекрасныхъ сотенныхъ лошадей.

Уже послѣ перваго перехода по проселочнымъ дорогамъ мы убѣдились, что обозы съ лошадьми не могутъ ни коннымъ образомъ двигаться дальше, въ виду чего и стали брать воловыя подводы, на которыя перекладывали большую часть вещей. Но лошади были измучены до такой степени этою убійственною дорогою, что иногда отказывались везти даже почти пустыя телеги. Не мало горя набрались мы и съ этими воловыими подводами. Правда, что волю, хотя значительно тише, но все же везли телеги. За то сборъ ихъ требовалъ и хитрости, и смѣливости, и большого труда. Обыкновенно онѣ отводились мѣромъ по наряду, за извѣстную плату, хорошую въ хорошую погоду и дорогу и очень ограниченную при плохой дорогѣ. Но такъ какъ по этому тракту прошла значительная масса войскъ, бравшая также эти подводы для облегченія своего движенія и поэтому замучившая волю, то и не мудрено, что какъ только мы требовали себѣ подводу, мѣръ и хозяева съ волами исчезали и отыскать ихъ подчасъ было невозможно.

Отъ думи перекрестились мы, когда дошли до Дуная, перейдя который лично намъ, развѣ только случайно, могла выпасть участь вести обозы.

И такъ, едва только мы вывели обозъ изъ Зимницы и довели его до полка, который этимъ временемъ уже давно устроился на бивуакъ, какъ къ намъ вернулись и хорошее настроеніе духа и аппетитъ. Нестати дождь прекратился и я отправился обѣдать въ Зимницу. Дорогою я поймалъ одного сапера-рядового и узнавъ, что онъ былъ при переправѣ, прислалъ его разсказать, что онъ зналъ и что видѣлъ. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, что онъ мнѣ разскажетъ что-нибудь новенькое, но, къ сожалѣнію, онъ могъ только указать мнѣ мѣсто, гдѣ приставали наши лодки, мельницу, гдѣ наши герои-солдаты въ одиночку атаковали турокъ, гдѣ была турецкая батарея, и еще кое-что, что давно уже вѣсть намъ было извѣстно.

Такъ ничего не узнавъ новаго, я догналъ моихъ товарищей и мы скоро пробрались въ Зимницу. Здѣсь грязь была непроходимая, на большей части улицъ она была выше коленъ и мѣстами доходила до пояса. Часто телега вдругъ, по срединѣ улицы, такъ глубоко ныряла въ какую-нибудь яму, что лошади сразу останавливались, затѣмъ, въѣдъство какъ дождь сыпавшихся на нихъ ударовъ кнута и палокъ, подхватывали, но, не будучи въ состояніи вывести, такъ и оставались здѣсь въ прежнемъ положеніи. Тогда конюху приходилось обращаться за помощью къ глазѣющимъ солдатамъ. Но уговорить ихъ на это было не легко. Въ большинствѣ случаевъ

они предпочитали лучше съ мѣста выражать свое сочувствіе, чѣмъ по поясъ въ грязь вытаскивать какую-нибудь интендантскую фуру.

Но не смотря на эти крайне неудобные пути сообщенія, въ Зимницѣ жизнь кипѣла: шумъ, говоръ, крикъ какого-нибудь упавшаго въ грязь солдата, ругань измучившихся конюховъ, у которыхъ застряли лошади,—все это смѣшивалось въ страшный хаосъ, въ которомъ было трудно что-нибудь разобрать.

Мы остановились въ одномъ небольшомъ трактиришкѣ, устроенномъ подъ навѣсомъ, и сравнительно очень недурно пообѣдали, хотя за чрезвычайно дорогую цѣну. Здѣсь намъ передали полученныя за послѣднее время письма. Этого было довольно, чтобы въ данную минуту позабыть все. Печаль охватывала такъ сильно, что это удовольствіе врядъ ли кто рѣшился бы отложить. Покуда мы ихъ читали и перечитывали десятки разъ, день уже сталъ клониться къ вечеру, и намъ нужно было засвѣтло добратся до бивуака, иначе наше обратное путешествіе могло завершиться для насъ очень непріятно.

Мы отправились домой, какъ и пришли, въ компаніи, но, стараясь найти мѣсто посуше, совершенно неожиданно очутились на чрезвычайно крутомъ берегу Дуная. Прямо противъ насъ стоялъ памятникъ. Онъ былъ поставленъ моряками въ память ихъ товарищей, павшихъ при Систовской переправѣ. Онъ былъ небольшой, но мраморный, на гранитномъ фундаментѣ, простой, но очень красивый. На немъ были вырѣзаны имена убитыхъ и также тѣхъ, отъ кого онъ былъ поставленъ. Совсѣмъ ночью вернулись мы на нашъ бивуакъ.

2-го Октября.

Сегодня у насъ здѣсь была дневка. Необходимо было отдохнуть людямъ, а особенно лошадямъ. Проснулся я въ прекрасномъ настроеніи духа, главнымъ образомъ, отъ радости, что мы уже распрощались съ румынами. Не знаю, какой народъ мы встрѣтимъ впереди, но трудно себѣ представить что либо антипатичнѣе этихъ гордыхъ потомковъ римлянъ. Поэтому не мудро, что мое путешествіе по Румыніи оставило на меня далеко не благоприятное для румынъ впечатлѣніе.

Не сходились мы съ этимъ народомъ, да и не могли сойтись, такъ какъ невозможно найти ни одной общей черты въ характерахъ русскихъ и румынъ. Къ тому же, въ это время румыны были опьянены побѣдой — взятіемъ Гривницкаго редута, которую они приписывали исключительно своимъ войскамъ. Они кричали объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ, писали объ этомъ неизмѣримыя вещи въ своихъ журналахъ, и чтобы еще рельефнѣе выставить эту воображаемую храбрость своихъ новыхъ войскъ, унижали и втоптывали въ грязь нашихъ солдатъ, крича объ ихъ трусости.

Эти мифы и статьи, направленные противъ нашего патріотическаго чувства, сильно насъ оскорбляли, и оскорбленія эти становились тѣмъ чувствительнѣе, что мы сами были сильно возбуждены. Повсемѣстность же и постоянство этихъ разсказовъ возбуждали насъ еще больше и возстановляли противъ нашихъ союзниковъ. Чѣмъ дальше подвигались мы отъ границы, тѣмъ чаще стали попадаться эти проявленія безумной радости, и тѣмъ чаще и тѣмъ грубѣе были формы, въ которыя были облечены эти проявленія. Въ самохваленіи румынъ неподражаемо. Все у себя онъ видитъ въ блестящемъ видѣ, всѣмъ онъ хвастаетъ передъ нами, русскими — варварами. Онъ возноситъ себя надъ нами, чванится своими великими предками, и неутомимо толкуетъ о своемъ родствѣ съ Европою и никомъ образомъ не допускаетъ въ насъ ни образованія, ни развитія. (Если бы не было въ нашей арміи румынскихъ генераловъ и войскъ, мы навѣрно давно бы погибли). Но въ душѣ румынъ почти что трусливъ, и сознаніе, и боязнь нашей силы проглядываютъ въ немъ въ каждомъ его словѣ, въ его безпокойныхъ, блуждающихъ взглядахъ, въ его разетерянныхъ движеніяхъ, когда приходилось останавливать его за обидныя для насъ, русскихъ, дерзкія, дикія выходки. Онъ гордъ, напыщенъ, когда чувствуетъ свою силу; слабъ, молодушенъ, приниженъ и услужливъ, когда онъ насъ боится.

Въ своемъ хвастливомъ увлеченіи онъ забываетъ наши силы. Могущественная Румынія объявила туркамъ войну, въ союзѣ съ не менѣе могущественною Россіею. Не румыны къ намъ приданы, а мы къ нимъ. Мы необразованы, мы варвары, ихъ послѣдній солдатъ образованнѣе и развитѣе насъ. Мы грубы и развращены, — наша плѣня сѣмья. Они же призваны, чтобы играть роль и со временемъ займутъ первенствующее положеніе въ Европѣ.

Вотъ взгляды, съ которыми намъ приходилось постоянно сталкиваться въ Румыніи, которые оскорбляли насъ сначала и на которые впоследствии мы отыскали смѣхъ и презрѣніе, — но смѣхъ обиднымъ, такъ какъ въ основаніи его лежало дѣйствительно существующая и видимая для всѣхъ причина. Мы указывали образованнымъ, нравственнымъ румынамъ на ихъ семейную жизнь.

Семейной жизни у румынъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, нѣтъ, особенно въ богатомъ классѣ и въ городахъ. По моему мнѣнію, это въ высшей степени неучащая конія картины сельской жизни въ западной Европѣ и, преимущественно, Франціи, которой они стараются подражать изъ всѣхъ силъ. Въ Румыніи женщины, чрезвычайно красивыя, злоупотребляютъ своею свободою и, подобно своимъ мужьямъ, рѣдко сидятъ дома. Ее вы можете встрѣтить на улицѣ, въ трактирѣ, на очень сомнительныхъ гуляньяхъ. Зѣвѣ она заводитъ знакомство, которое часто продолжается и дома. Мужъ рѣдко принимаетъ участіе въ этихъ прогулкахъ своей жены и только какая нибудь рѣзкая выходка жены заставляетъ его заявить свое неудо-

вольствіе. Но чаще всего онъ не выѣзживаетъ въ ея дѣла. Познакомиться съ румынкою не трудно, такъ какъ большинство румынокъ говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ, тогда какъ рѣдкій мужчина говоритъ на двухъ языкахъ, а чаще всего ограничиваются однимъ только нѣмецкимъ.

На улицѣ румынка всегда элегантно и хорошо одѣта и предпочитаетъ черный цвѣтъ, дома же она ходитъ болѣе, чѣмъ просто одѣтая, и часто я встрѣчалъ барыню въ такомъ костюмѣ, что принималъ ее за горничную, и не очень хорошую, но потомъ приходилось узнавать, къ своему смущенію, что разговариваешь съ самой хозяйкою очень богатаго и знатнаго, въ окологдѣ или городѣ, дома. Вообще, какъ въ домѣ, такъ и въ жизни, у румынъ все разсчитано на эффектъ. Пріемныя комнаты убраны богато и роскошно, домашнія же жилыя комнаты отличаются простотою, граничащею съ бѣдностью. Тамъ ковры, зеркала, бронза: тутъ простые столы и стулья, плохія занавѣски и т. д. Эта двойственность, какъ я уже сказалъ, проглядываетъ и въ самомъ характерѣ румынъ. Полагаться на обѣщаніе румына—болѣе, чѣмъ рискованно. Онъ исполнитъ добровольно данное имъ обѣщаніе или тогда, когда онъ вѣсь боится, или тогда, когда онъ самъ очень заинтересованъ этимъ дѣломъ. Поэтому всѣ эти магистраты не отказываются отъ взяточекъ.

Особенно грустное впечатлѣніе произвели на меня Яссы, въ которыхъ у насъ справлялся полковой праздникъ. Давно ли этотъ городъ принадлежалъ намъ и тамъ все было русское! Теперь совѣмъ не то. Всѣ позабыли о своей старой родинѣ и уже гордятся тѣмъ, что городъ ихъ сталъ считаться второю столицей Румынскаго княжества. Вездѣ слышна румынская рѣчь, и только извончики-сектанты кое-какъ объясняются еще по русски. Однако, я сильно увлекся румынами, и пойдемъ лучше къ Зимницѣ.

Утромъ мы занялись немного церемоніальнымъ маршемъ, такъ какъ всѣ ожидали Государя. Затѣмъ мы компаніями отправились въ Зимницу, кто для того, чтобы дѣлать закупки, другіе потому, что на бивуакѣ было страшно скучно, а день былъ прекрасный. Конечно, прежде всего нужно было закусить, вѣдѣствіе чего мы и направились въ лучший трактиръ—Одесу. Трактиръ помещался въ большомъ двухъ-этажномъ домѣ: въ верхнемъ этажѣ, состоящемъ изъ двухъ комнатъ, находился самый трактиръ, а въ нижнемъ—игорный домъ. Въ одной комнатѣ играли въ рулетку, въ другой металъ банкъ. Въ обѣихъ стояли десятки столовъ, съ громадными кучами золота и серебра, смущавшихъ неопытныхъ понять счастья. Накурено здѣсь было до-нелзя; въ трехъ шагахъ еще можно было различать фигуру человека, но лицо было неясно видно даже въ разстояніи не больше шага. Офицеры безпрестанно входили и уходили. Почтенные жида, сидя, какъ говорится, на золотѣ, любезно предлагали свои услуги облегчить ваши карманы. Не довольствуясь личными предложеніями, они даже вступали въ договоры съ другими, чрезвычайно разбитыми, личностями, которыя, сами не играя, употребляли всѣ усилія, чтобы заманить сюда офицеровъ и побить ихъ на

игру. Нѣкоторые изъ этихъ милыхъ *commis*, къ несчастью, носили русскій офицерскій мундиръ, ради чего ихъ свидѣтельству давалась большая вѣра, за которое, конечно, и платили иногда и очень дорого. Я не былъ въ этомъ вертѣ шулеровъ, но о нихъ разсказывали мнѣ мои товарищи, изъ которыхъ нѣкоторые узнали это послѣ собственнаго опыта. Игра ихъ была самая обыкновенная: въ началѣ они незамѣтно давали вамъ выиграть, но потомъ, когда клиентъ начиналъ очухивать въ этой одуряющей обстановкѣ, они его обирали до-чиста. Полиція сюда, конечно, не входила и вѣроятно даже объ этомъ не слыхала, не смотря на то, что объ игрѣ говорилось открыто. Общипанные до-чиста выходили отсюда, чтобы завтра отыграться, такъ какъ сѣн господа жида не играли иначе, какъ на чистое золото или серебро. Къ счастью, мы здѣсь оставались очень не долго и не успѣли сѣсть лишнее золото.

3-го Октября.

Вечеромъ вышелъ приказъ о нашемъ выступленіи очень рано 3-го числа. Обозъ выходить раньше полка, во первыхъ, для того, чтобы онъ успѣлъ переправиться по мостамъ Дуная и его рукавовъ, и чтобы подошедшій къ этому времени полкъ могъ втащить его на крутую гору противоположнаго берега. Погода стояла прекрасная, теплая и уже много пообсушила грязи. Но не смотря на все это, дорога была такъ страшно тяжела, что полкъ, выступивъ изъ бивуака въ семь часовъ утра, пришелъ на свой новый бивуакъ при деревнѣ Царевичъ только въ шесть часовъ вечера, пройдя за время въ одиннадцать часовъ разстояніе ни конемъ образомъ не болѣе девяти верстъ, причемъ были испробованы и употреблены въ дѣло все мѣры, которыя хоть сколько нибудь могли облегчить или ускорить движеніе полка вмѣстѣ съ его обозомъ. Переправа чрезъ Дунай по мостамъ не была затруднительна и, благодаря порядку на мостахъ, она совершилась скоро и быстро; но движеніе отъ моста на эту гору и затѣмъ подъемъ по горѣ были таковы, что лошади, конечно, не могли вывезти телѣгъ, которыя поэтому принуждены были тащить на людяхъ, вследствие чего на эти три версты ушло большее число часовъ, употребленныхъ на весь переходъ. Сверхъ того, еслибы не были употреблены нѣкоторыя мѣры въ видѣ рекогносцировокъ и очищенія дальнѣйшаго пути, то мы, навѣрно, не могли бы пройти и этихъ несчастныхъ верстъ. Для этой цѣли командиръ полка отправилъ меня съ полуротою солдатъ. Пройдя версты три по такой страшной грязи, что даже нѣшимъ солдатамъ было чрезвычайно трудно идти, такъ какъ они были принуждены безпрестанно останавливаться и переводить духъ, мы наконецъ поднялись на первый хребетъ, идущій параллельно Дунаю. Далѣе дорога шла по небольшому пологому скату и почти совершенно просохла, еще далѣе она упиралась въ новый, еще болѣе высокій и крутой хребетъ. Давъ людямъ со-

браться и нѣсколько отдохнуть, мы продолжали нашъ путь. Въ хребтѣ, который былъ передъ нами, саперы проложили очень широкое ущелье, при помощи динамита, взрывая громадныя скалы; дорога шла, нѣсколько не поднимаясь въ гору. Кругомъ отиѣсно высились страшныя скалы. Это была гигантская работа и вѣроятно она стоила большихъ трудовъ и издержекъ, но все таки была исполнена съ такимъ тщаніемъ и знаніемъ дѣла, что ее можно было смѣло поставить за образецъ. Прорытое ущелье тянулось болѣе, чѣмъ на версту и вездѣ было устроено одинаково съ большимъ знаніемъ дѣла. Благодаря этому ущелью, значительно облегчалась и укорачивалась дорога, которая раньше поднималась на очень большую высоту и затѣмъ очень круто спускалась.

Не доходя съ полверсты до ущелья, постепенно стало попадаться все больше и больше телѣгъ; передъ самымъ ущельемъ уже стояли, стѣсненные, цѣлыя транспорты съ сухарями, съ сѣномъ, однимъ словомъ, со всевозможными припасами и вещами. Пробиравшись впередъ постепенно становилось все труднѣе и труднѣе. Наконецъ я былъ принужденъ оставить лошадь. Въ самомъ же ущельѣ лошади и телѣги стояли, такъ плотно прилепавшись другъ къ другу, что нельзя было не выразить удивленія, какъ могли они такъ сжаться, а чтобы пройти впередъ, нужно было скакать съ одной телѣги на другую. Многія лошади уже околѣли и валялись подъ колесами другихъ телѣгъ, другія были очень близки къ такому же концу; нѣсколько телѣгъ было сломано, и, къ довершенію всего, я во всемъ ущельѣ не встрѣтилъ ни одного хозяина или возницы. Забравшись въ эту массу телѣгъ, шедшихъ безъ всякаго порядка, и видя полную невозможность выбраться отсюда, такъ какъ задніе напирали и загораживали обратный выходъ, хозяева, вѣроятно, предпочли лучше побороть все это на волю Божию, а самими отправиться въ Систово за помощью. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ мнѣ одинъ болгаринъ, у котораго пара лошадей стояла тутъ же и который тоже готовился ихъ бросить. Движеніе было очень большое съ двухъ сторонъ, такъ какъ покуда это была главная тыловая дорога нашей арміи. Самое ущелье было очень широко и рассчитано на подобное движеніе, и, конечно, последнее производилось бы безъ помѣхъ, если бы только очищали ущелье отъ первыхъ сломавшихся телѣгъ и павшихъ лошадей, и, вообще, если бы былъ кто нибудь, на обязанности котораго лежало бы слѣдить и распоряжаться этимъ движеніемъ. Но такого лица не было, сломанныя телѣги оставались тамъ, гдѣ сломались, заднія наѣзжали, старались проѣхать, иѣплялись другъ за друга, ломались въ свою очередь и останавливали обозъ, запрудивъ такимъ образомъ все ущелье. Помочь въ этомъ дѣлѣ можно было только рѣшительными мѣрами. Явно поставилъ я часовыхъ, съ приказомъ даже близко не подпускать къ ущелью, а желающимъ непременно проѣхать впередъ указывать старую дорогу по горѣ; другимъ солдатамъ приказалъ разгонять эти сбившіеся транспорты и ставить ихъ въ порядокъ въ котловинѣ, въ другую

сторону послалъ своего унтеръ-офицера съ людьми его взвода съ приказаніемъ дѣлать тамъ тоже, что и я.

Въ десятомъ часу принялся я за это дѣло, при чемъ работалъ съ двухъ сторонъ, и только къ четыремъ часамъ успѣлъ очистить это ущелье на столько, что уже можно было проѣхать: только середина его была еще завалена. Устали и измазались мы страшно; платье, руки, все было покрыто толстымъ слоемъ грязи. Въ это время миѣ пришли доложить, что какой-то человекъ изругалъ моего часового и во что бы то ни стало требуетъ, чтобы его пропустили. Предполагая, что у него дѣйствительно есть какое нибудь экстренное порученіе, я отправился къ нему. Прекрасная коляска, запряженная четверкою, толстый кучеръ въ отличномъ синемъ кафтанѣ, наконецъ, на немъ на самомъ прекрасная шуба сразу расположили меня не въ его пользу. Едва онъ меня увидѣлъ, какъ началъ кричать, что это чертъ знаетъ, что такое, какъ смѣю я задерживать его, что онъ на меня будетъ жаловаться, что онъ миѣ покажетъ, кто онъ такой и т. п. Я былъ взбѣшенъ до-нельзя и рѣшился его проучить; я спросилъ его, ѣдетъ ли онъ по частной или по казенной надобности; онъ долго кричалъ, не отвѣчая прямо на вопросъ; наконецъ выяснилось, что онъ догоняетъ свой транспортъ; тогда я приказалъ своимъ солдатамъ, не обращая уже на это никакого вниманія, повернуть его лошадей назадъ и указать ему, если онъ такъ торопится, старую дорогу по горамъ, заявивъ, что для него я не намѣренъ мѣнять свои распоряженія. На его послѣдующіе крики я отвѣчалъ, что если онъ не уймется, или не уѣдетъ сейчасъ же, то я его арестую и представлю своему командиру полка. Опасность пуститься по старой дорогѣ въ этомъ прелестномъ экипажѣ была большая; его можно было легко испортить, почему этотъ ревностный интендантскій исполнитель и рѣшился лучше успокоиться и ждать. По времяшло, а его все не пропускали; тогда онъ рѣшился переменить свое обращеніе до такой степени, что, захвативъ, что я приказалъ выкупить себѣ чаю изъ солдатской манерки и приготавливалъ для этого свой гутанерчавый стаканчикъ, и заключивъ, вѣроятно, что я голоденъ, онъ самъ разложилъ на салфеткѣ холодную закуску съ водкой и пригласилъ меня. Конечно, я отказался; тогда онъ обратился уже съ просьбою пропустить его. Я отвѣчалъ, что когда настанетъ его очередь, я очень буду радъ видѣть, что онъ уѣзжаетъ, но до тѣхъ поръ, конечно, онъ не уѣдетъ. Ефенство моего интенданта было страшное, тѣмъ болѣе, что на его глазахъ проѣхало впередъ десятка полтора-два телѣговъ, прибывшихъ раньше его. Но я чувствовалъ силу и право на моей сторонѣ и былъ бы очень радъ, если бы только онъ позволилъ себѣ еще что нибудь сказать. Я бы его дѣйствительно задержалъ до приѣзда командующаго полкомъ.

Вскорѣ затѣмъ показался и нашъ полкъ, затѣмъ обозъ, и мы, измученные, усталые, голодные въ шестомъ часу дотанчивались до своего бивуака при деревнѣ Царевичъ. Деревня была разорена, но я такъ усталъ, что ничего